

FROGEE POLICY BRIEF 3

Опыт России

Март 2021 г.

Женщины в политике: причины
недопредставленности

Памела Кампа, SITE

Современное положение дел и динамика участия
женщин в российской политике

Наталья Фирсова, НИУ ВШЭ

Резюме

Женщины в политике: причины недопредставленности

Страницы 3-8

В целом, по всему миру женщины недостаточно представлены на политических постах, при этом на постах более высокого уровня такое положение дел только усугубляется. В этой публикации приводится обзор ряда новых исследований в области экономики и политологии, рассматривающих вероятные причины недопредставленности женщин. В широком смысле, в исследованиях такие причины подразделяются на связанные с предложением и со спросом: к первым относится потенциально более низкая готовность самих женщин баллотироваться на политические посты, а ко вторым – предубеждения избирателей и партийных лидеров в отношении женщин-политиков. Понимание основных причин недопредставленности женщин в политических институтах важно для разработки наиболее эффективных стратегий, которые позволят устранить существующий гендерный разрыв. В заключение рассматривается ряд стратегий, которые были предложены или использовались для расширения прав и возможностей женщин в политике, а также имеющиеся данные об эффективности таких стратегий.

Современное положение дел и динамика участия женщин в российской политике

Страницы 8-12

Данная статья посвящена вопросу недопредставленности женщин в политических и государственных органах России. Вначале определены масштабы проблемы в современной России – на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Далее прослежена динамика представленности женщин в российской политике вплоть до периода Советского Союза (когда она достигала своего пика). Как в современной, так и в советской России самый высокий уровень представленности женщин наблюдается лишь на самых нижних уровнях органов государственной власти и на избираемых должностях с наименьшей реальной властью (за исключением ряда знаковых позиций). По данным доклада Всемирного экономического форума (ВЭФ), несмотря на значительные успехи в области образования и здоровья женщин, в вопросе расширения их политических прав и возможностей сегодняшняя Россия отстает от 80% стран мира. В работе представлен обзор литературы, посвященной факторам, связанным с масштабом представленности женщин в политике, характерным для России, и перечень возможных политических мер и практик, направленных на преодоление разрыва в сфере политических прав и возможностей женщин.

Женщины в политике: причины недопредставленности

В целом, по всему миру женщины недостаточно представлены на политических постах, при этом на постах более высокого уровня такое положение дел только усугубляется. Из четырех показателей, рассматриваемых в Индексе гендерного равенства Всемирного экономического форума (т.е. экономическое участие и возможности, уровень образования, здоровье и выживание, а также политические права и возможности), показатель политических прав и возможностей, отражающий представленность женщин на политических постах, самый низкий. На сегодняшний день гипотетический разрыв закрыт только на 25%.

Важно то, что, невзирая на большие различия между странами, гендерное неравенство в области политических прав и возможностей зафиксировано во всех регионах мира, в том числе и в странах, наиболее развитых в социальном и экономическом отношении. Например, в Швеции, несмотря на удовлетворительный показатель представительства женщин в большинстве учреждений (в настоящее время доля женщин составляет 47,5% среди членов парламента, 54,5% среди министров и около 43% среди муниципальных советников), женщины никогда не занимали пост премьер-министра, а среди мэров - женщин только третья часть. По данным Всемирного экономического форума, в странах Восточной Европы и Центральной Азии закрыто лишь 15% гендерного разрыва в области политических прав и возможностей, что, несомненно,

является худшим показателем среди четырех субиндексов, входящих в Индекс гендерного равенства.

Хроническая недопредставленность женщин в политических институтах, где принимаются важные решения, формирующие общество, побуждает экономистов, политологов и иных деятелей все более активно изучать причины гендерного разрыва в политическом представительстве. В данной публикации обобщается ряд новых исследований по этому вопросу и рассматриваются некоторые стратегии, которые позволят устранить гендерный разрыв в политическом представительстве.

Таблица 1. Всемирный экономический форум: Индекс гендерного равенства. Региональные показатели в 2020 году, по субиндексам

	Общее значение	Экономическое участие и возможности	Уровень образования	Здоровье и выживание	Политические права и возможности
Западная Европа	0,767	0,693	0,993	0,972	0,409
Северная Америка	0,729	0,756	1,000	0,975	0,184
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,721	0,642	0,996	0,979	0,269
Восточная Европа и Центральная Азия	0,715	0,732	0,998	0,979	0,150
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	0,685	0,663	0,976	0,943	0,159
Страны Африки к югу от Сахары	0,680	0,666	0,872	0,972	0,211
Южная Азия	0,661	0,365	0,943	0,947	0,387
Ближний Восток и Северная Африка	0,611	0,425	0,950	0,969	0,102
Во всех регионах мира	0,685	0,582	0,957	0,958	0,241

Примечание: Глобальный индекс гендерного равенства позволяет отслеживать прогресс стран в достижении гендерного равенства в сфере образования и здравоохранения, а также в экономической и политической жизни. Общее значение представляет собой невзвешенное среднее по этим четырем показателям. Значение 1 соответствует полному равенству. С другой стороны, чем значение ближе к 0,

тем больше гендерный разрыв по соответствующему показателю. Среднее значение по региону Восточной Европы и Центральной Азии рассчитано на основе индивидуальных данных по 26 странам, см. рис. 2. В таблице авторами представлена их собственная интерпретация данных из отчета Всемирного экономического форума о гендерном разрыве за 2020 год (WEF, 2019 г., стр. 22).

Причины недопредставленности женщин в политике

В целом, чаще всего исследуются три основные причины, а именно отсутствие готовности женщин идти в политику, предвзятость избирателей и предвзятость партий. Ниже представлен обзор ряда работ, посвященных каждому из названных трех факторов.

Гендерный разрыв в политических амбициях

В ходе широких опросов было зафиксировано, что среди женщин, удовлетворяющих профессиональным и экономическим требованиям к потенциальным политическим кандидатам, стремление занять руководящие должности ниже, чем среди мужчин сопоставимого уровня (Fox and Lawless, 2004). Как представляется, основные причины гендерного разрыва в амбициях заключаются в том, что (а) женщин меньше поощряют выдвигать свою кандидатуру на выборные должности, чем мужчин, и (б) женщины в меньшей мере, чем мужчины, склонны полагать, что они подходят для такой должности.

Также может иметь значение стремление женщин избегать конкуренции (Niederle and Vesterlund, 2007), поскольку процесс политического отбора, вероятно, воспринимается как основанный на жесткой конкуренции. Как показано на примере двух

экспериментов в работе Preece and Stoddard (2015), разъяснение конкурентного характера политики снижает интерес женщин к выдвижению своих кандидатур на политические посты, а на интерес мужчин практически никак не влияет.

Готовность женщин продвигаться по карьерной лестнице в политике также может зависеть от семейных и личных обстоятельств. В недавней работе Folke and Rickne (2020) демонстрируется, что в Швеции среди женщин-политиков, которые выдвигаются на должность мэра (т. е. на высшую должность на муниципальном уровне), вероятность развода с партнером значительно возрастает, в отличие от мужчин. По данным из работы Folke and Rickne (2020), если плата женщин за карьерные достижения оказывается высока, они могут отказаться от своих целей.

Хотя имеются данные о том, что готовность женщин к выдвижению на руководящие должности в среднем меньше, чем у мужчин, остается невыясненной количественная связь этого фактора и низкого присутствия женщин во властных структурах. В этом смысле информативным может стать введение гендерных квот в списки кандидатов в разных странах. Если недостаточная представленность женщин в избирательных списках обусловлена главным образом нехваткой квалифицированных женщин-политиков, введение квоты может усложнить формирование некоторых избирательных списков (по большей части представляющих конкретные политические партии), при этом среднее «качество» списков, которое определяется рядом важных (для избирателей) характеристик кандидатов, снизится. Однако указанные выше следствия введения квот не были подтверждены в исследованиях (см. Baltrunaite et al., 2014,

Besley et al., 2017, Bagues and Campa, 2020). Напротив, в Италии (Baltrunaite et al., 2014) и Швеции (Besley et al., 2017) благодаря квотам «качество» избранных политиков, судя по всему, повысилось.

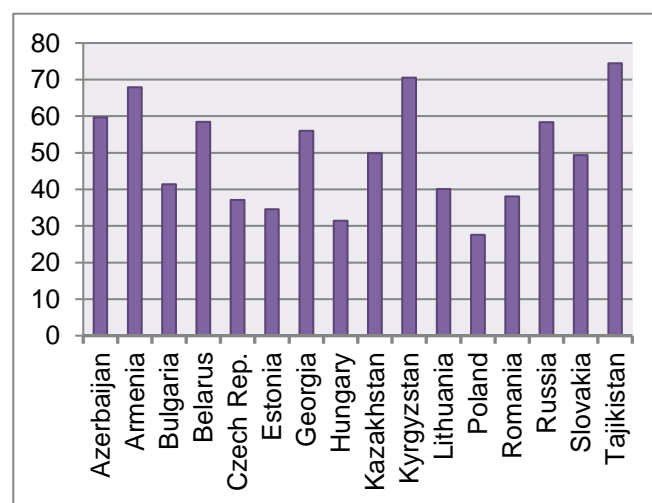
Предвзятость избирателей

В работе Krook (2018) отмечается, что ранее проведенные в области политологии исследования, объясняющие недопредставленность женщин в политике предвзятостью избирателей, приводят к неоднозначным выводам. И результаты новейших экономических исследований подтверждают эту оценку. В работе Barbanchon and Sauvagnat (2019) сравниваются голоса, полученные одной и той же женщиной-кандидатом на парламентских выборах во Франции на разных избирательных участках в одном избирательном округе. Было установлено, что число голосов за женщин ниже в муниципалитетах, для которых в большей мере характерно традиционное отношение к распределению гендерных ролей. Эта закономерность интерпретируется в работе как свидетельство предвзятого отношения избирателей, при этом делается вывод, что предвзятость избирателей количественно обуславливает недопредставленность женщин среди политиков. Напротив, в работе Bagues and Campa (2020) предвзятое отношение избирателей к женщинам не подтверждается, исходя из реакции избирателей на введение гендерной квоты для формирования избирательных списков в Испании. В частности, исследуется, как квоты влияют на эффективность списков, которые подвергаются наибольшему воздействию квот, т.е. списков, в которых доля кандидатов-женщин была увеличена в наибольшей степени в связи с более низким уровнем представленности женщин. И данных,

свидетельствующих, что относительная эффективность таких списков на выборах упала в связи с введением квот, не выявлено. Иными словами, нет фактов, доказывающих, что избиратели ослабляют электоральную поддержку списка, если доля женщин-кандидатов в нем возрастает по независящим от избирателей причинам.

Данные опросов, выясняющих мнения избирателей, также могут помочь оценить степень предвзятого отношения избирателей к женщинам. Согласно данным новой волны Всемирного исследования ценностей (WVS, 2017-2020), в Западной Европе обычно менее 20% респондентов выражают согласие с утверждением «Из мужчин получаются лучшие политические лидеры, чем из женщин» (например, 5% в Швеции, 9% в Дании и Германии, 12% в Финляндии и Франции, 19% в Италии; только в Греции доля согласных респондентов выше 20% и составляет 26%). Как показано на рис. 1, в Восточной Европе и Центральной Азии это процентное отношение значительно выше).

Рис. 1. Доля респондентов, ответивших «Согласен» или «Полностью согласен» на утверждение «Из мужчин получаются более хорошие политические лидеры, чем из женщин».

Примечания: Данные новой волны Всемирного исследования ценностей, 2017-2020 гг. Выбранные страны входили в состав бывшего Советского Союза либо находились под его непосредственным влиянием до 1990 года.

Однако следует отметить, что ответы на опрос WVS не всегда информативны в отношении степени предвзятости избирателей, характерной для конкретной страны. Там, где процент респондентов, считающих, что из мужчин получают более хорошие политические лидеры, чем из женщин, близок к 50% или выше, как, например, в Армении, Грузии или России, предвзятость избирателей, вероятно, будет важным фактором. Однако в странах с более низким уровнем согласных, таких как, например, Польша, делать выводы сложнее, поскольку WVS не оценивает долю респондентов, считающих, что *из женщин получают более хорошие политические лидеры, чем из мужчин.*

Предвзятость партий

Лидеры партий, которые зачастую являются ключевыми фигурами при выборе политиков, могут предпочесть выдвигать кандидатов-мужчин, а не женщин. Если они знают о предвзятом отношении избирателей к женщинам, то предпочтение кандидатов-мужчин согласуется со стратегией набора максимального числа голосов. Однако партийные лидеры могут также выступать в качестве «привратников» и сдерживать выдвижение женщин даже в отсутствие предвзятости избирателей. В работе Esteve-Volart and Bagues (2012) приводятся свидетельства того, что между избирателями и партиями существует агентская проблема, на примере выборов в Испании. Хотя партии, как правило, выдвигают женщин на худшие места

в бюллетенях, нет никаких данных, свидетельствующих, что женщины получают меньше голосов, чем мужчины. Более того, с ужесточением конкуренции положение женщин в избирательных бюллетенях улучшается. Эти два факта приводят авторов к выводу, что неблагоприятное положение, в котором оказываются женщины, объясняется скорее предвзятостью партий, а не избирателей.

При рассмотрении всех таких факторов также важно отметить, что систематическая недопредставленность женщин в политических институтах, вероятно, приводит в действие механизм самоусиления вследствие гендерной групповой динамики. В лабораторных условиях женщины, состоящие в командах с преобладанием мужчин, гораздо реже выдвигают себя в качестве руководителей команд, чем женщины в командах, где большинство женщины; они предполагают, и справедливо, снижение поддержки со стороны членов команды (см. Born et al., 2019). Женщины-мэры в Италии значительно чаще смещаются муниципальными советами, чем их коллеги-мужчины сопоставимого уровня. Важно отметить, что это справедливо вдвойне, когда доля мужчин в совете особенно велика (Gagliarducci and Paserman, 2011). Данные исследования показывают, что, поскольку исторически на политической арене доминировали мужчины, гендерная групповая динамика может создавать порочный круг недопредставленности женщин.

Стратегии увеличения представительства женщин в политических институтах

Можно рассмотреть различные стратегии устранения факторов, обуславливающих недостаточную представленность женщин в политике. Пытаясь решить проблему недопредставленности женщин на уровне предложения, различные некоммерческие организации предлагают программы подготовки. В рамках таких программ женщинам предоставляются знания, навыки и механизмы, необходимые для построения политической карьеры (например, NDI 2013). Хотя обзор имеющихся материалов по таким программам выходит за рамки данной публикации, насколько мне известно, исследовательских данных о количественном влиянии подготовки на продвижение женщин в политике практически нет. Некоммерческие организации, политические партии и исследователи могут плодотворно сотрудничать для реализации и систематического тестирования программ подготовки.

Гендерные квоты, особенно регулирующие состав списков кандидатов, являются наиболее распространенными в политике мерами и весьма широко изучались. В целом, по данным исследований, квоты более или менее эффективны в расширении прав и возможностей женщин в зависимости от их целей и условий, в которых они применяются (более полный обзор экономических исследований, касающихся гендерных квот и соответствующих политических последствий, см. в работе Campa and Hauser, 2020). Учитывая нюансы действия квот, странам или регионам, рассматривающим возможность их

применения, следует проконсультироваться с экспертами, которые разбираются во всех тонкостях вопроса и опыт которых замешан на знании местной ситуации.

Структура и соотношение сил внутри партий могут иметь решающее значение для расширения политической представленности женщин. Ряд исследователей уделили внимание роли женских организаций внутри партий. Теоретически такие организации должны поддерживать установление связей и предлагать наставничество, которые могут сыграть важную роль для подъема по карьерной лестнице в политике. В Швеции к заслугам право-левой коалиции женщин относят то, что они вынудили социал-демократов принять внутреннюю 50% квоту (zipper quota), угрожая сформировать феминистскую партию (см. Besley et al., 2017). Женские крылья политических партий могли бы добиться аналогичных результатов. В работе Kantola (2018) отмечается, что в наше время женские организации воспринимаются как нечто устаревшее, по крайней мере, в европейских партиях; с другой стороны, в работе Childs and Kittilson (2016) делается вывод, что, похоже, их существование не препятствует продвижению женщин на руководящие должности в партиях, вопреки имеющейся озабоченности по этому поводу. В странах с государственным финансированием политических партий отдельные средства могут направляться женским организациям внутри партий.

В работе Folke and Rickne (2020) также отмечается, что, поскольку занимающие руководящие должности женщины сталкиваются с более серьезными личными и семейными ограничениями, чем мужчины, меры, оптимизирующие распределение

экономических ролей в парах, могут содействовать устранению недопредставленности женщин на руководящих должностях в политике. Это наблюдение подчеркивает решающую роль гендерно-ролевых подходов в расширении прав и возможностей женщин в любой сфере общества. Как могут измениться эти подходы? Все больше исследований посвящается ответу на этот вопрос. В работе Campa and Serafinelli (2019), например, показано, что политико-экономический режим, делающий упор на вовлечение женщин в рынок труда, может изменить некоторые из этих подходов. Следует надеяться, что дополнительные исследования, которые будут проведены в различных условиях в отношении конкретных стратегий, послужат дальнейшим ориентиром для разработчиков политики по этому важному вопросу. Основная мысль имеющихся исследований заключается в том, что подход к гендерным ролям может быть изменен, и поэтому разработчикам политики следует уделять внимание мерам, которые могут повлиять на формирование таких подходов.

Во многих западных демократиях прогресс в обеспечении доступа женщин к высшим должностям в политике оказался особенно медленным. История западных демократий и существование механизмов самоусиления, описанных выше, может послужить уроком для стран с переходной экономикой, где возникают новые политические организации и институты. Вероятно, в отсутствие конкретных стратегий, которые бы уже на самых ранних этапах были направлены на решение проблемы недопредставленности женщин на низших уровнях, потребуются немало времени, чтобы устранить гендерный

разрыв на высших уровнях политической иерархии.

В заключение следует отметить, что постоянный контроль за гендерными разрывами в политических институтах важен даже в условиях четких позитивных сдвигов, так как прогресс редко носит поступательный характер и, следовательно, требует постоянной поддержки.

Современное положение дел и динамика участия женщин в российской политике

Абсолютное численное гендерное равенство в политике имеет место, когда женщины представлены в политических органах пропорционально их доле в референтной группе (страна, регион и т. п.). Современная Россия далека от достижения абсолютного гендерного равенства как на федеральном, так и на региональном уровне власти. Наиболее актуальное положение дел в вопросе представительства **женщин** в российской политике подробно описано в отчете Хоаре и Муравьева (2020).

В нынешней Государственной Думе, избранной в 2016 году, женщины составляют лишь 15,8% из 450 депутатов (Inter-Parliamentary Union, 2021), что является самым высоким показателем в постсоветской России. Авторы отчета связывают этот рост с возвращением к смешанной избирательной системе перед выборами 2016 года, так как почти половина женщин-депутатов получили свои мандаты, победив в одномандатных

округах. Треть заместителей председателя Думы – женщины, однако сама позиция председателя всегда занималась мужчинами (Государственная Дума, 2021). Женщины возглавляют лишь пять из 26 комитетов Государственной Думы (19%). Подавляющее большинство женщин-депутатов являются членами партии «Единой России» и в целом имеют мало политического опыта.

В Совете Федерации доля представительства женщин примерно такая же – 17,1% из 170 сенаторов (Inter-Parliamentary Union, 2021), при том что представители регионов не избираются, а назначаются законодательными органами субъектов Российской Федерации. «У ряда субъектов оба сенатора – женщины: Ненецкий автономный округ, Приморский край и Республика Тыва. Большинство субъектов федерации с женским представительством – это либо республики, либо регионы с населением, преимущественно относящимся к этническим меньшинствам, а также крупные промышленные города» (Хоаре и Муравьева, 2020). Напомним, что с 2011 года Совет Федерации бессменно возглавляет Валентина Матвиенко, представляющая Санкт-Петербург, один из двух наряду с Москвой город, в котором существует гендерный паритет (один представитель мужского и женского пола) в Совете Федерации.

На региональном уровне гендерный паритет в российской политике в среднем несколько выше, чем на федеральном. Доля женщин в региональных представительных органах составляет 18,5 процента.

Наибольшая доля представительниц женского пола приходится на области, автономные области и автономные округа, составляя в среднем 25%. Также высоким представительством женщин по сравнению с другими отличаются северные республики.

На самом низком – муниципальном – уровне российской политики женщины представлены более справедливо: почти 31% муниципальных депутатов – женщины. При этом доля женщин-мэров в 2019 году составляла всего 8% в российских городах с населением более 150 000 человек и 20% в крупных промышленных городах, однако все они, кроме одной, были избраны опосредованно местным представительным органом. Единственная женщина-мэр, избранная напрямую, Сардана Авксентьева, так называемая «народный мэр» Якутска, ушла в отставку в 2021 году якобы из-за проблем со здоровьем, но есть основание считать, что ее отставка не была добровольной (Meduza, 2021).

Российская динамика vs Россия в международном контексте

Отсутствие гендерного паритета в политическом представительстве в современной России еще более неожиданно, поскольку именно в Советском государстве более ста лет назад, еще в 1918 году, впервые была принята конституция, дающая женщинам право голосовать и занимать выборные должности. «Новые законы предоставили женщинам равные права на образование, сделали возможным получить развод легче, чем где-либо в мире,

легализовали аборт, установили равную оплату труда для женщин, выполняющих идентичную с мужчинами работу, превратили брак в гражданский, а не религиозный союз...” (Nechemias, 1996, с. 16). Но равенство де-юре не превратилось в равенство де-факто, несмотря на то, что в советский период удалось достичь определенного количественного прогресса в области гендерного равенства в политике.

Доля женщин в Верховном Совете (высший законодательный орган СССР) росла с 16,5% в 1937 году до 32,5% в 1979 году, а с 1982 по 1987 год около 50% региональных и муниципальных депутатов были женщинами (Кочкина, 2003). Однако эти показатели были результатом декоративных выборов и появились как следствие неформальных квот на представительство женщин; они не отражали реального баланса власти, которая в основном была сосредоточена в руках членов Политбюро КПСС и советских министров. С 1919 по 1991 год среди 157 членов Политбюро было всего три женщины (1,9%); из более чем тысячи министров советского периода женщин было только пять (0,5%) (Кочкина, 2003).

Специалист по российским элитам Ольга Крыштановская для обозначения участия женщин в политике в советский период ввела термин «имитационное представительство». Исследовав численность женщин, их положение в политической иерархии и ротацию в российском парламенте после распада СССР, она пришла к следующему выводу: хотя политическое представительство женщин в России после распада Советского Союза резко сократилось (немного увеличившись впоследствии, но так и не достигнув уровня позднего СССР),

фактическая роль женщин в российской политике усилилась (Крыштановская, 2019).

ВЭФ измеряет гендерное равенство в политическом представительстве на уровне стран и динамику политических прав и возможностей для межстрановых сравнений с использованием трех показателей, построенных как соотношение доли женщин и мужчин: (1) в парламенте, (2) на министерских должностях и (3) по числу лет нахождения во главе государства (за последние 50 лет). Как уже упоминалось выше, по первому показателю Россия характеризуется низкими значениями. Что касается второго, то в 2019 году женщины занимали только 12,9% министерских должностей (WEF, 2019). Вместе с отсутствием женщины-главы государства в течение последних 50 лет эти три показателя ставят Россию на 122-е место среди 153 стран, оцениваемых с точки зрения гендерного паритета в отношении политических прав и возможностей.

Для понимания, есть ли у женщин ресурсы для участия в политической жизни, можно использовать индексы здоровья, уровня образования, экономической активности и экономических возможностей, разработанные ВЭФ в качестве других составляющих Индекса гендерного неравенства. Оказывается, что “российские женщины в среднем более образованны, чем мужчины, живут дольше, но редко достигают руководящих постов” (WEF, 2019). Более того, показатели экономической активности и экономических возможностей женщин в России лучше, чем в среднем по миру. В связи с этим возникает вопрос: что же стоит на пути достижения гендерного паритета в российском политическом представительстве?

Барьеры на пути к достижению гендерного паритета в политическом представительстве в России

Согласно последнему доступному Всемирному исследованию ценностей (World Values Survey (WVS)), большинство взрослого населения России считает, что мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины. В 2017 году с этим утверждением согласились 51% женщин, в то время как 45% ответили, что не согласны с этим; среди мужчин процент согласных с превосходством мужчин для роли политических лидеров был еще выше (65% согласных и только 31% несогласных; WVS, 2017-2020).

Согласно работе Суви Салменниemi (Salmenniemi, 2005), в России институциональная политика ассоциируется с личными качествами, считающимися мужскими, а гражданская деятельность – с личными качествами, которые считаются женскими. Как отмечают некоторые исследователи, в переходный период в России (1990-е годы) одновременно со снижением представленности в парламенте женщины создали ряд общественных организаций (Sperling, 1999). С. Салменниemi считает, что гендерная структура социально-политической сферы в России подразумевает гендерную специфику гражданских обязанностей: ожидается, что женщины должны обеспечивать уход (платный и неоплачиваемый) как в общественной, так и в частной сфере, в то время как мужчины должны заниматься институциональной политикой и оплачиваемой работой (Salmenniemi, 2005). Другое возможное объяснение низкой представленности женщин в политике в современной России –

тесное переплетение политической и экономической власти, которое поддерживает доминирование мужчин в формальной политике, не оставляя женщинам достаточно материальных ресурсов для проведения эффективных политических кампаний.

Д. Новацки (Nowacki, 2003), изучая неоднородность представительства женщин в региональных законодательных органах в России, пришла к выводу, что чем дальше от двух столиц России – Москвы и Санкт-Петербурга, тем оно выше. Также было установлено, что избирательная система, размер округов, уровень поддержки политических реформ, а также доминирующая религия согласуются с представительством женщин в региональных законодательных органах власти. В то же время более раннее исследование, основанное на выборах в региональные законодательные органы власти в 1995 и 1998 гг. (в условиях начального этапа формирования партийной системы), связи между избирательными системами и представительством женщин в региональных собраниях не выявило (Golosov, 2001). Недавнее исследование региональных выборов в законодательные органы, проведенных в России в 1999–2011 гг., подтвердило, что избирательная реформа 2002–2003 годов, введя пропорциональное представительство в региональные избирательные системы, значительно улучшила представительство женщин. После прихода электорального авторитаризма пропорциональные правила, а также возросший партийный авторитет «Единой России» привели к положительным результатам, однако, эти эффекты в большинстве округов были компенсированы снижением конкурентоспособности (Golosov, 2014).

Заключение

Из истории представительства женщин в российской политической жизни в 20-м веке можно вынести определенный вывод – одной исключительной меры (даже такой как гендерные квоты в законодательных органах) недостаточно для улучшения текущего положения дел в России, учитывая советское наследие создавать «декорации» вместо реальных выборов. Необходим целый комплекс мер в сочетании с критериями оценки, более сложными, чем существующие инструменты, используемые для международных сопоставлений.

Хоаре и Муравьева (2020) обобщили лучшие практики и политические меры государств-членов Совета Европы, которые могли бы помочь России продвинуться к большему гендерному паритету в политическом представительстве. Необходимо поощрять политические партии к введению внутренней системы гендерных квот для отбора кандидатов. Кроме того, исходя из опыта других стран, эффективную роль могли бы сыграть финансовые стимулы, такие как, например, снижение регистрационных сборов при продвижении кандидатов-женщин.

Также существует целый ряд мер для тонкой настройки законодательства и принимаемых политических мер с точки зрения гендерной проблематики:

(а) использование методологии гендерной экспертизы для устранения гендерных предубеждений в законах, (б) тренинги государственных должностных лиц по вопросам гендерного равенства, (в) создание специального органа или учреждения для борьбы с дискриминацией в отношении женщин и обеспечения равных возможностей.

Еще одна сфера для улучшения – условия работы в политических институтах. Это решается, с одной стороны, путем принятия политики «нулевой терпимости» к сексуальным домогательствам и насилию, а с другой стороны, путем обеспечения гибких условий труда как для женщин, так и для мужчин, избранных на должность и имеющих семейные обязанности.

Для привлечения женщин к участию в политике важное значение имеют обучение и наставничество. Обучение должно включать как базовую информацию о политических и избирательных системах, так и вопросы политической коммуникации, сбора средств и общественной мобилизации. Не менее важна роль межпартийных женских собраний на национальном, региональном и местном уровнях, поскольку они могут служить источником поддержки посредством наставничества для женщин в политических органах.

Последний, но не менее важный, блок мер связан со средствами массовой информации. Можно организовать обучение женщин-политиков, которое поможет им успешно проводить кампании в средствах массовой информации и взаимодействовать со СМИ в случае проблем с сексистским или дискриминационным поведением по отношению к женщинам. Кроме того, можно организовать подготовку медиаспециалистов для содействия непредвзятому взгляду на женщин в целом и на женщин в политике в частности. На более формальном уровне можно создать национальные механизмы регулирования и саморегулирования, направленные на обеспечение справедливого освещения в средствах массовой информации женщин и мужчин – политических кандидатов.

Литература

- Bagues M. and Campa P., 2021. "Can Gender Quotas in Candidate Lists Empower Women? Evidence from a Regression Discontinuity Design", *Journal of Public Economics*, 194.
- Baltrunaite A., Bello P., Casarico A., Profeta P., 2014. "Gender Quotas and the Quality of Politicians", *Journal of Public Economics*, 118, pp. 62-74.
- Barbanchon T. and Sauvagnat J., 2019. "Electoral Competition, Voter Bias and Women in Politics". *CEPR Discussion Paper No. DP13238*.
- Belstat, 2018. "Women and Men in the Republic of Belarus"
- Besley T., Folke O., Persson T., Rickne J., 2017. "Gender Quotas and the Crisis of the Mediocre Man: Theory and Evidence from Sweden", *American Economic Review*, 107(8), pp. 2204-2242.
- Born A., Ranehill E., Sandberg A., 2019. "A man's world? – The impact of a male dominated environment on female leadership". *University of Gothenburg Working Paper*.
- Campa P. and Hauser Ch., 2020. "Quota or not Quota? On Increasing Women's Representation in Politics", *FREE Policy Brief Series*.
- Campa P. and Serafinelli M., 2019. *Politico-Economic Regimes and Attitudes: Female Workers under State-Socialism*. *Review of Economic and Statistics*, 101(2), pp. 233-248
- Chatham House, Web survey
- Childs S. and Kittilson M., 2016. "Feminizing political parties: Women's party member organizations within European parliamentary parties". *Party Politics*, 22(5):598-608.
- Esteve-Volart B. and Bagues M., 2015. "Politicians' Luck of the Draw: Evidence from the Spanish Christmas Lottery", *Journal of Political Economy*, 124(5), pp. 1269-1294.
- Folke O. and Rickne J., 2020. "All the Single Ladies: Job Promotions and the Durability of Marriage", *American Economic Journal: Applied Economics*, 12(1), pp. 260-287.
- Fox R. and Lawless J., 2004. "Entering the Arena? Gender and the Decision to Run for Office", *American Journal of Political Science*, 48(2), pp. 264-280.
- Gagliarducci S. and Paserman M. D., 2012. "Gender Interactions within Hierarchies: Evidence from the Political Arena", *The Review of Economic Studies*, 79(3), pp. 1021-1052.
- Global Gender Gap Index 2020 Golosov G.V., 2001. "Political Parties, Electoral Systems and Women's Representation in the Regional Legislative Assemblies of Russia, 1995-1998", *Party Politics*, 7(1): 45-68.
- Golosov G.V., 2001. "Political Parties, Electoral Systems and Women's Representation in the Regional Legislative Assemblies of Russia, 1995-1998", *Party Politics*, 7(1): 45-68.
- Golosov G.V., 2014. "Is electoral authoritarianism good for women's representation? Evidence from the 1999-2011 regional legislative elections in Russia", *Post-Soviet Affairs*, 30(1): 51-66.
- Golos platform final report, in Russian
- Государственная Дума, 2021. Официальный сайт. (дата обращения: 5.03.2021)
- Хоаре Д. и М. Муравьева, 2020. "Достижение сбалансированного участия женщин и мужчин в принятии политических и общественных решений в РФ: Отчет о лучших европейских практиках", Отчет Совета Европы.
- Inter-Parliamentary Union, 2020. "Women in National Parliaments".
- Inter-Parliamentary Union, 2021. *Parline global data on national parliaments*.
- Kantola J., 2019. "Women's Organizations of Political Parties: Formal Possibilities, Informal Challenges and Discursive Controversies", *NORA - Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 27(1), pp. 4-21.
- Кочкина Е.В., 2003. "Представительство женщин в структурах власти России, 1917-2002 гг." В: Н.М. Степанова, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкина (ред.) *Гендерная реконструкция политических систем*. СПб.: ИСПГ-Алетейя.
- Krook M., 2018. "Electoral Systems and Women's Representation", In: E.S. Herron, R. Pekkanen, M. Soberg Shugart (eds.) *The Oxford Handbook of Electoral Systems*, New York: Oxford University Press, pp. 172-196.
- Крыштановская О.В., 2018. "Женщины в Российском Парламенте", *Тетради по консерватизму*, 4: 274-290.

Meduza, 2021. "Додали. Спецкор «Медузы» Андрей Перцев рассказывает, как и почему подала в отставку глава Якутска Сардана Авксентьева — самый популярный мэр в России", статья интернет-медиа Meduza, опубликована 11.01.21.

National Democratic Institute (NDI), 2013. "Increasing Women's Political Participation Through Effective Training Programs"

Nechemias C., 1996. "Women's Participation: From Lenin to Gorbachev", In: W. Rule. and N. C. Noonan (eds.) *Russian Women in Politics and Society*, Westport, CT: Greenwood Press, pp. 15-30.

Niederle M. and Vesterlund L., 2007. "Do women shy away from competition? Do men compete too much?", *The Quarterly Journal of Economics*, 122(3), pp. 1067-1101.

Nowacki D., 2003. "Women in Russian Regional Assemblies: Losing Ground 1", In: R. E. Matland and K. A. Montgomery (eds.) *Women's Access to Political Power in Post-Communist Europe*. Oxford: Oxford University Press, pp. 173-195.

Preece J. and Stoddard O., 2015. "Why women don't run: Experimental evidence on gender differences in political competition aversion", *Journal of Economic Behavior & Organization*, 117, pp. 296-308.

Salmenniemi S., 2005. "Civic Activity – Feminine Activity?: Gender, Civil Society and Citizenship in Post-Soviet Russia", *Sociology*, 39(4): 735-753.

Sperling V., 1999. *Organising Women in Contemporary Russia: Engendering Transition*, Cambridge: Cambridge University Press, 283 pp., ISBN 0-5216-6963-4.

Statistics Sweden (SCB), 2018. "På tal om kvinnor och män". ISBN: 978-91-618-1658-3 p.106.

United Nations, 2020. *Gender Social Norms Index (GSNI)*.

World Economic Forum, 2019. "Global Gender Gap Report 2020". ISBN-13: 978-2-940631-03-2

World Values Survey, 2017-2020.

Авторы

Памела Кампа

Стокгольмский институт переходной экономики (SITE)

pamela.campa@hhs.se

www.hhs.se/en/research/institutes/site/

Памела Кампа - доцент экономики Стокгольмского института переходной экономики (SITE) при Стокгольмской школе экономики. Прежде занимала должность доцента в Университете Калгари. Имеет степень Ph.D. по экономике Института международных экономических исследований (IES) при Стокгольмском университете. Также связана с деятельностью Центра устойчивых рынков Mistra (MISUM) и Гендерной инициативы Центра Дондена.

Наталья Фирсова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

firsova.natalia@gmail.com

<https://lcsr.hse.ru/en/about/person/a-staff/firsova/>

Наталья Фирсова - ассоциированный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований - международной исследовательской сети НИУ ВШЭ. Она работала заместителем директора и советником директора Московского Центра Карнеги - Московского представительства Фонда Карнеги за международный мир. Наталья имеет степень магистра социологии Манчестерского университета, получена после обучения в Московской школе социальных и экономических наук.

Благодарность

Авторы выражают благодарность Кристине Холинской и Михалу Мыку за полезные комментарии, а также Каетану Тжинскому за тщательную корректуру.

freepolicybriefs.com

Форум по изучению стран Восточной Европы и развивающихся рынков (FREE) объединяет научных экспертов по экономическим вопросам в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, сотрудничающих в рамках BEROC (Минск), BICEPS (Рига), CEFIR/NES (Москва), CenEA (Щецин), ISET (Тбилиси), KSE (Киев) и SITE (Стокгольм). В 2019 году FREE Network, при финансовой поддержке Шведского агентства международного сотрудничества в области развития (Sida), инициировал Форум исследований по гендерной экономике (FROGEE). Публикации в рамках инициативы FROGEE содействуют обсуждению вопросов, касающихся гендерного неравенства в Центральной и Восточной Европе. Мнения, выраженные во всех публикациях FREE Network, являются мнениями авторов и могут не совпадать с точкой зрения FREE Network, исследовательских институтов в рамках форума или Sida.

